

К 150-летию со дня рождения

«БЕСПОЛЕЗНАЯ КРАСОТА» ГИ ДЕ МОПАССАНА

Независимая газ. - 2000. - 5 авг. - с. 7.

Екатерина Шукшина

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро после выхода в свет «Пышки» Мопассан проснулся знаменитым. Писателю было тридцать. Он печатался уже более пяти лет, и, вероятно, успех «Пышки» доставили не только художественные достоинства. Образ грубого прусского вояки, надо думать, ласкал чувства французов, жестоко униженных в недавней франко-прусской войне.

Мопассан надолго, если не навсегда, сохранил неприязненное отношение к восточным соседям. Вскоре после «Пышки» появился рассказ «Помешанная», который смело можно сравнивать с произведениями советской военной прозы (не лучшими). Бессмысленное, неоправданное зверство безликих немецких солдат по отношению к несчастной больной женщине (француженке, разумеется) и патетический конец (...чтобы наши сыновья никогда больше не видели войны) рождают недоумение — что это? Борьба с милитаризмом? Но война и бесчеловечное отношение к больной женщине — разные вещи. Бытовой пацифизм? Просто зарисовка? К чему? Все немцы — звери? Увы, очень похоже на последнее.

Советское литературоведение, разумеется, пыталось сформулировать общественно-политические взгляды Мопассана. И буксовало. Да, сочувствие к социальным низам. Да, «беспощадная критика верхов». На этом далеко не уедешь. А тут еще нехвата «утопические воззрения»: «Под аристократией я подразумеваю не знать, но тех, наиболее интеллигентных, образованных и умных людей, ту выдающуюся группу, которая является ядром общества». А животный облик простонародья? Но вместе с тем симпатия к Жюльо Валлесу и руссоистские влечения. Так и кочевали из монографий в статьи «недопонял», «но вместе с тем», «пытался», «наряду» и т.д. и т.п. А что делать?

По-видимому, любая попытка систематизировать политические пристрастия Мопассана — излишний труд. Его отстраненная позиция была продуманной. «Я никогда не связываю себя ни с какой политической партией... ни с какой религией, сектой, школой... и все это единственно из-за того, чтобы сохранить за собою право на свободу отрицательных оценок», — мотивировал писатель отказ вступить в мasonicкую ложу.

Лев Николаевич Толстой решил юпрос о пристрастиях Мопассана гроще. «Едва ли был другой такой писатель, столь искренно считавший, что все благо, весь смысл жизни в женщине, в любви, и с такой силой страсти описывавший со всех сторон женщину и ее любовь...» — писал он в предисловии к сборнику рассказов Мопассана «Заведение Телье».

Батрачки, графини, плетельщицы стульев, маркизы, стройные девушки, пухленькие девушки, зрелые львицы, опытные мамыши, блондинки, брюнетки...

Женская красота — красота линий тела и черт лица, — бесспорно, один из главных сквозных персонажей в творчестве французского классика. И зачастую этот персонаж выкидывает замысловатые колелца.

Есть у Мопассана один довольно странный рассказ «Бесполезная красота» (1890 г.). Обворожительная графиня де Маскаре в торжественной храмовой обстановке клянется мужу, что один из их семерых детей прижит от заезжего молодца, имя которого она категорически отказывается назвать. И толкнула ее на измену не страстная любовь, даже не минутная слабость, а единственное желание — чтобы муж, придя в законное негодование, оставил ей супружеский долг и дал наконец возможность «жить как светская женщина». «Я не желаю больше быть жертвой отвратительной пытки материнством!» — восклицает красавица в отчаянии. Расчет графини оказался верен, муж не смог больше жить в оскорбленном доме, а графиня наконец стала, «как и все мы, женщиной цивилизованного мира, сударь», покоряя всех своей немеркнущей красотой. Муж долгие годы мучается «неотступным вопросом», пока графиня не решает его пошлать: «Я не изменяла вам никогда».

Интересно, откуда взялось это чудовище в облике блестящей графини, страшнейшей «отвратительной пытки материнством»? И как с ним быть? Отпрятнуть? Осудить? Понять? Согласиться и с ее резонами? Просто забыть о ней? А может, она вовсе не чудовище? К какому же решению подталкивает автор? Дай ответ. Не дает ответа.

«Вы протисе морали? Ее нет у меня», — отмахивается автор, предлагая невнятный пассаж: «...Это существо уже не просто женщина, предназначенная для продолжения его рода, но странное и таинственное порождение всех сложных желаний, накопленных в нас веками, отвращенных от своей первоначальной и божественной цели, блуждающих на путях к непостижимой, неуловимой и лишь угадываемой красоте».

Можно еще, пожалуй, добавить, что дети появляются в этом рассказе всего один раз за общим столом единственно для того, чтобы напорвать сердце графа и пороловать графиню утоленной мстостью.

В рассказе «Сын» знатный господин, академик, спустя много лет вновь оказывается там, где имело место мимолетное происшествие с трактирной служанкой, одной из тех, которые «и обречены на то, чтобы так развлекать путешественников». Путем несложных умозаключений академик приходит к выводу, что хромой «человек во дворе, в ломотях и отвратительно грязный» — его сын. И что же? Открытие не взволновало академика? Или произвело нравственный переворот? Пытку совестью? Отчасти. Академику «долго не удавалось заснуть». Скоро он вернулся в Париж.

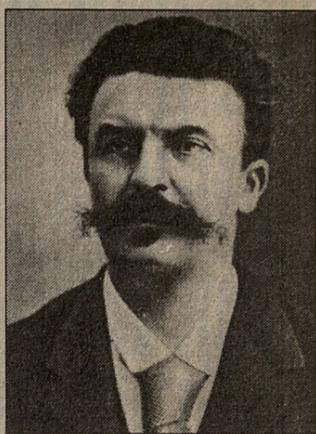
Что же это значит? Это дурно, как он поступил? Одной бессонной ночи достаточно? Или нет? Он хороший человек, этот академик? Или он хороший человек с обремененной совестью? Или он дурной человек, и от него нужно держаться подальше?

Автор вкладывает в уста интеллектуала восхитительную сентенцию: «Мы должны бы немного больше интересоваться детьми, у которых нет отцов». Нет, по-видимому, этот академик все же дурной человек, нашел же слово — «немного больше интересоваться». И в этот момент как обухом по голове бьет заключительное наблюдение друга

«Ям». Столь же продуманной была и его отстраненность от нравственных догм. То не невежество в вопросах морали. То другие предпочтения — приоритеты: «Литературная благопристойность! Что это такое?.. Предоставьте же писателю свободу замысла и творчества в соответствии с их склонностями и темпераментом, целомудренным или чувственным... не беспокоясь о благонравии, которое не имеет ничего общего с литературой...»

Здесь корень непримиримого противоречия — «благонравие (или, по Толстому, «правильное, то есть нравственное отношение автора к предмету»), которое не имеет ничего общего с литературой». Так имеет или не имеет? Для Толстого имеет. Для Мопассана нет. Все. Спорить больше не о чем.

Остальное вторично, в том числе и рассуждения о том, оказал или не оказал позитивизм известное влияние на мировоззрение Мопассана. Можно или нельзя считать его представителем натуралистической школы. Мопассан определился и в этом вопросе: «У меня были кое-какие взгляды, вернее, предпочтения. Теперь их больше нет, они мало-помалу исчезли. Весь вопрос только в том, имеется ли у писателя талант или не имеется. Больше ничего».

Ги де Мопассан...

Да, Мопассан. Роман «Наше сердце».

Но была и «Жизнь», были и пронзительные рассказы, проникнутые неподдельным глубоким чувством. Как совместить? Еще одна загадка Мопассана.

Рискну предположить, что если бы в постбальзаковской Франции 1880—1890 гг., во Франции Золя и Гонкуров, Гюисманса и Боллера, появился писатель с мощным нравственным зарядом, подобно Толстому или Достоевскому, его бы побили камнями. Уж слишком нравственность «не имела ничего общего» теперь с литературой на родине Расина и Мольера. Мопассан заплатил небольшую дань декадентству, но слишком уж далеки были «тени» и «голоса» от человека, считавшего, что «через двадцать лет страх перед сверхъестественным исчезнет даже среди сельских жителей». И он остановился на том, что

... и мир его героев.

академика: «А все-таки хорошо иметь двадцать пять лет и производить детей... даже таких».

О, если бы ты был холоден или горяч!..

Учителем начинающего писателя стал Флобер. Привязанность ученика была, по всей видимости, искренней — Мопассан оставил три (!) очерка о Флобере — и взаимной. В предисловии к раннему стихотворному сборнику Мопассана мэтр писал: «Следовало бы окончательно договориться относительно вопроса: «Мораль в искусстве». Что прекрасно, то и морально, — вот и все, по-моему. Поэзия, как солнце, золотит навоз. Тем хуже для тех, кто этого не видит... «Сила писателя, — говорит Лабрюйер, — заключается в умении хорошо определять и хорошо описывать». Ты хорошо определил и хорошо описал. Чего им еще нужно?»

Не подлежит сомнению, что сам Флобер, один из самых крупных французских писателей, намного больше своей же формулировки «хорошо определить и хорошо написать». Трагедия госпожи Бовари сопоставима не с салонными «блужданиями» госпожи де Бюрен, а разве что с трагедией Анны Карениной. А после напряжения чувств героев «Саламбо» покажутся амебанами даже некоторые персонажи Достоевского.

О том, «что ему еще нужно», писал Лев Толстой все в том же предисловии к «Заведению Телье»: «Судя по тому томику, который я прочел, он (Мопассан. — Е. Ш.), к сожалению, был лишен главного из трех, кроме таланта, необходимых условий для истинного художественного произведения. Из этих трех условий: 1) правильного, то есть нравственного отношения автора к предмету, 2) ясности изложения или красоты формы, что одно и то же, и 3) искренности, то есть непритворного чувства любви или ненависти к тому, что изображает художник, из этих трех условий Мопассан обладал только двумя последними и был совершенно лишен первого. Он не имел правильного, то есть нравственного отношения к описываемым предметам».

Мопассану в известном смысле не повезло. Работая над предисловием к «Заведению Телье», Толстой уже готовился к своему трактату «Об искусстве» и, разумеется, вложил в это предисловие многие свои принципиальные требования. Его упреки можно было бы считать слишком многими.

Мы уже видели, как Мопассан сохранял дистанцию по отношению к «любимым партиям и религи-

Вопреки собственному утверждению о праздности «установленного деления писателей на реалистов, идеалистов...» Мопассан неплохо ориентировался в родной литературе. Но его простодушная незаинтересованность в собратях по перу за пределами родины не может не вызывать по меньшей мере улыбки. В некрологе на смерть Тургенева он писал: «Наряду с поэтом Пушкиным, его другом, которым он страстно восхищался... он всегда будет одним из тех, кто (следует) обилие превосходных степеней. — Е.Ш.)... Тургенев... был окружен всеобщим восхищением и все же неохотно возвращался всякий раз в свою страну, которую горячо любил: он не мог забыть тех дней тюрьмы, которые постигли его в связи с появлением «Записок охотника» (вероятно, имеется в виду полутрагическая ссылка в Спаское-Лутовиново). А ведь Мопассан был неплохо знаком с другом Пушкина», который приложил немало усилий для того, чтобы творчество «модного» французского стало известным в России, ходатайствовал за него, предлагая, например, Стасюлевичу к публикации роман «Жизнь»: «Содержание этого романа мне известно, оно несколько не скабрено, как некоторые другие его вещи». Тургенев сам, как и Толстой, брался переводить рассказы Мопассана. Бедный Иван Сергеевич! Не сам ли виноват.

Но как же? «Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабам?» Как мог писатель, наделенный чувством меры и тонким вкусом, из романа в роман перепевать одни и те же сюжеты, из рассказа в рассказ перетаскивать одни и те же образы? Как не дрогнула рука творца «Жизни», «Оливковой роши», «Пьеро», когда выводила строки:

«...Она думала о том сладостном безумии, в которое повергает нас чье-то существование, чей-то образ, звук голоса, те неуловимые черты в близком человеке...
— Неужели мы потеряем рассудок оба?..
Она прошептала:
— Божье! Какая красота!
Он ответил, глядя на нее:
— Я не в силах думать ни о чем, кроме вас...
...Он прошептала: — А я... я люблю вас безумно».

Полноте, да Мопассан ли это, столь любовно описывавший изурядительную работу Флобера над фразой? — может воскликнуть российский читатель, воспитанный на предельно уважительном отношении к классической западноевропейской литературе.

было ближе ему и... публике. Страшно произнести — писал то, что публика хотела читать, писал то, что «ей еще нужно». Чего это стоило? Можно только догадываться.

Поразительна реакция Мопассана на «Смерть Ивана Ильича»: «Я вижу, что вся моя деятельность была ни к чему, что все мои десятки томов ничего не стоят». Эти слова — редкие у Мопассана слова, не просеянные сквозь сито «чего им еще нужно», — позволяют приблизиться к разгадке его тайны. Повесть Толстого отнимает у ее читателя всякую возможность уклоняться от вопросов «что такое жизнь? как разрешается это противоречие между любовью к жизни и знанием неизбежной смерти?». Вопросы, от которого Мопассан в ужасе отшатнулся: «Когда-то я думал, что ее поцелуй унесет меня в небеса. Однажды она захворала — небольшая простуда, — и в ее дыхании я почувствовал легкий, тонкий, почти неуловимый запах гниения. Я был потрясен!» («Дело о разводе»). Вопросы, который он, «не связывая себя ни с какой религией», пытался решить, ударив ножом в горло (его спасли). Мучительного вопроса, разрешению которого он предпочитал разнообразие «блюд», рожденные благами цивилизации, предлагая их своим героям и читателям.

У Мопассана была дурная наследственность. Его мать и брат окончили свои дни в помрачении сознания. Страх погрузиться в безумие преследовал писателя всю жизнь. Он чрезвычайно внимательно относился к своему здоровью, лечился в самых дорогих клиниках, пускался в многочисленные путешествия, недели проводил на своей яхте «Милый друг»... И безумие настигло его. Два года «душа его спала», как определяют святые отцы клиническое сумасшествие. Глаза увлажнились и взгляд приобретал осмысленное выражение лишь при виде любимой яхты. Но не надолго. Последний полгода своей жизни он вообще не приходил в сознание.

«Человеческая мысль — какая-то счастливая случайность в этой Его (Бога. — Е.Ш.) творческой деятельности, непредвиденная случайность... Сознанию же мы обязаны и тем, что вынуждены — если только мы действительно уточнены и культурны — постоянно бороться против того, что все еще называется путями провидения» («Бесполезная красота»).